

грубовато-здорового «взрослого» Куприна в традиционном описании современников, а чуткого к страданиям, мечтательного Куприна-ребенка, заточенного в мрачные казарменные стены.

Пройдя еще в детстве через разнообразные жизненные испытания, принужденный приспособиться к жестокой среде, Куприн сберег в душе неспособность причинять боль, сохранил в чистоте бескомпромиссный гуманизм. Силач, кутила, жизнелюбец — это, очевидно, было лишь полправды. Ее дополняет обостренная жалость к страдающим людям, давшая такие поразительные страницы, как описание встречи Ромашова в «Поединке» с затравленным и больным солдатиком Хлебниковым, ищущим смерти на железнодорожных путях. Кастовые офицерские предрассудки, вбивавшиеся в голову Ромашова в кадетском корпусе и юнкерском училище, падают в мгновение ока, когда подпоручик, мучимый виноватой жалостью и ответственностью за человеческую жизнь, изуродованную на его глазах, обращается к Хлебникову со словами: «Брат мой». И тот же купринский гуманизм ярко освещает все произведения о детях («Белый пудель», «Слон», «Храбрые беглецы»), проникает за кулисы цирка («Allez!», «Ольга Сур»), поднимает на протест «маленького человека» («Гамбринус»). Он учит видеть в человеке человека, продолжая тем самым высокую традицию русского реализма XIX века, традицию Л. Н. Толстого и А. П. Чехова.

Добрый талант Куприна постоянно напоминает об этой главной обязанности искусства, подчиняя ей все свои средства выражения. В пору, когда уже входил в силу равнодушный к человеку модернизм, Куприн мог показаться слишком «традиционным» и «старомодным». Куда ему было угнаться за мастерами литературных мистификаций, за разрекламировавшими себя «новаторами», делавшими тогда только первые, но уже опустошительные набег в пределы русской словесности. Как писателя его отличало исключительное духовное здоровье, вкус к быту, языку, верность реалистическим заветам. Даровитейший художник, он обладал многообразием стилевых манер, следуя при этом какой-нибудь уже проложенной традиции. Так, рассказ «Мирное житие» близок чеховскому «Человеку в футляре», «Собачье счастье» заставляет вспомнить аллегорические произведения М. Горького, а эпиграф к «Изумруд» («Посвящая памяти несравненного пегого рыска Холстомера») уже указывает на произведение, которое оказало влияние, — на знаменитую повесть Л. Н. Толстого.

Прослеживая произведения Куприна хронологически, видишь, как постепенно все увереннее и резче становятся его штрихи, как отступают банальности и мелодраматические издержки. В его творчестве все очевиднее становится приверженность к отложившимся напластованиям быта. Художественному дару писателя было в высшей сте-

пени свойственно подробное изображение устойчивого, прочно сложившегося профессионального уклада — военного, заводского, рыбацкого, циркового, чиновничьего, или национального быта — русского, украинского, еврейского, белорусского. Купринский стиль формируется отличным образом от чеховского или, скажем, бунинского, где так много значит метафора, неожиданное уподобление. Куприн же накапливает множество бытовых черточек, необходимых в том художественном ансамбле, в той величественной картине повседневности, которая складывается в результате.

Наблюдательность Куприна чужда щедрой метафоризации. Там, где Бунин напишет: «чайки, как яичная скорлупа», «море пахло арбузом» и т. д., Куприн скажет просто: «среди мусора, яичной скорлупы, арбузных корок и стад белых морских чашек». В его прозе мы почти не найдем далеких уподоблений, но эта частная безобразность, претенциозность, где бы они ни прока — не мешает созданию итогового образа — в данном случае образа огромного морского порта в «Гамбринусе».

Великолепно мастерство Куприна-портретиста, оставившего великое множество незабываемых, даже в беглом изображении, человеческих характеров — уродливого, как гигантская пьявка, «вечно предшествуемого своим животом» сладострастного миллионщика Квашнина («Молох»); командира полка Шульговича, этого, по словам Л. Н. Толстого, «прекрасного положительного типа», под своим громоподобным бурбонством скрывающего отцовскую заботу об офицерах («Поединок»); виртуозно перевоплотившегося в корявого армейского штабс-капитана азиатски непроницаемого матерого самурая-шпюна («Штабс-капитан Рыбников») и — легкий, почти бесплотный образ когда-то любимой женщины, вновь бессмертно воскресший в ее семнадцатилетней дочери («Леночка»).

Ничто не ускользает от зоркого купринского взгляда — он казнит пошлость, глупость, претенциозность, где бы они не проявлялись. Например, в провинциальном семействе Зиненок («Молох»), где перед гостями выступают поочередно пятеро дочерей пронырливого завскадом — Мака, Бета, Шурочка, Нина и Кася: «Каждой из них в семье было отведено свое ампула. Мака, девица с рыбьим профилем, пользовалась репутацией ангельского характера... Бета считалась умницей, носила пенсне и, как говорили, хотела когда-то поступить на курсы. Когда разговор переходил на одну из классических тем: «Кто выше, Лермонтов или Пушкин?» или «Способствует ли природа смягчению нравов?» — Бету выдвигали вперед, как боевого слона... Самой младшей, Касе, исполнилось недавно четырнадцать лет, но этот феноменальный ребенок перерос на целую голову свою мать, далеко превзойдя своих сестер могучей рельефностью форм... Это разделение семейных прелестей хорошо было известно на заводе» и т. д.